

«Одно из самых красивых украшений Парижа»: возведение русского посольского храма и культурно-политическое значение проекта

Любовь Мельникова

**«One of the most beautiful decorations of Paris»:
the construction of the Russian embassy church and the cultural and political
significance of the project**

Liubov Melnikova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016612-4

Русский православный храм Св. Александра Невского, расположенный на парижской улице Дарю (rue Daru), без сомнения, является одной из ярких достопримечательностей французской столицы, хотя информация о нём есть далеко не во всех путеводителях по городу. Этот храм возводился как русская посольская церковь в довольно непростой период русско-французских отношений (вскоре после Крымской войны 1853—1856 гг.). Ситуацию осложняли также межконфессиональные отношения Русской Православной Церкви и католической Церкви Франции. Дело в том, что православие относилось тогда во Франции лишь к терпимым конфессиям; государство официально признавало только римско-католическое, протестантское и иудейское вероисповедания. Православных же пренебрежительно называли «восточными схизматиками». Во время Крымской войны 1853—1856 гг., имевшей ярко выраженную духовно-религиозную составляющую, архиепископ Парижский Мари-Доминик-Огюст Сибур проповедовал «крестовый поход» против России и называл православие «ересью Фотия»¹. После заключения мира тональность французской и в целом западной прессы по-прежнему была ещё довольно антирусской и антиправославной. Предвзятое отношение и фактическое незнание европейцами реалий Русской церкви нередко приводили к публикации всевозможных вымыслов и неуважительных высказываний о ней. В этих условиях возведение в Париже русского православного храма, призванного показать французскому населению красоту православного богослужения и подчеркнуть престиж Российской империи, приобретало важное культурно-политическое значение. К решению этой непростой задачи российское правительство подошло с большой осторожностью, а основные заботы пали на плечи инициатора проекта священника русской посольской церкви в Париже Иосифа Васильева.

Иосиф Васильевич Васильев (1820—1881) родился в с. Стрельцово Елецкого уезда Орловской губ., в семье священника. Обучался в Орловской духовной

© 2021 г. Л.В. Мельникова

¹ Подробнее см.: Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853—1856 гг. М., 2012. Фотий (820—891) — Константинопольский патриарх, продолжительная борьба которого с римскими папами послужила началом разделения Церквей.

семинарии, затем — в Санкт-Петербургской духовной академии, которую в июне 1845 г. окончил в качестве первого магистра (т.е. официально признан лучшим в своём выпуске). Первоначально Васильев оставался в академии в должности наставника, однако уже 9 мая 1846 г. он был рукоположен в священник сан и направлен на вновь учреждённое место второго священника к Петропавловской церкви при российском посольстве в Париже². Министерство иностранных дел назначило молодому священнику жалованье — 1 524 руб. серебром в год — и поручило российскому посольству во Франции снять для его семьи «приличную квартиру»³. (В Париж отец Иосиф приехал в сопровождении 17-летней жены Анны Ефимовны; во Франции у них родились 11 детей: восемь дочерей и три сына⁴.) Выбор МИД и Синода пал на Иосифа Васильева не случайно. Помимо блестящих способностей и свободного владения французским языком, несомненно, сказалось знание им истории и реалий католицизма — его магистерская диссертация была посвящена рассмотрению учения Римской церкви «О главенстве папы». Усиление причта посольской церкви в Париже, единственного среди всех европейских, введением должности второго священника рассматривалось в качестве меры, призванной предупредить соращение российских подданных в католичество. Чрезмерное увлечение проживавших во Франции соотечественников западной культурой, особенно частые случаи поступления русской молодёжи в парижские католические пансионы, вызывало беспокойство российских властей.

Приехав в Париж, отец Иосиф развил кипучую деятельность. Помимо осуществления своих непосредственных обязанностей — совершения богослужений и исполнения треб — он давал уроки Закона Божия детям русской аристократии, устроил при православной церкви библиотеку, состоявшую из выписанных из России книг религиозного и исторического содержания. Очень скоро он поставил своей главной задачей добиться постройки в Париже «поместительного и благолепного во всех отношениях» настоящего русского храма, соответствующего достоинству Российского государства и могущего свидетельствовать во Франции о подлинной красоте православного богослужения. Следует пояснить, что в XVIII — первой половине XIX в. русские посольские церкви не имели в Западной Европе зданий православных храмов. «Посольская церковь» означала тогда присутствие в стране пребывания православного священника, находившегося при российской дипломатической миссии, и наличие помещения для проведения богослужений — как правило, съёмной квартиры.

Уже через год после своего приезда в Париж, 24 июня (6 июля) 1847 г., в письме директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода К.С. Сербиновичу Иосиф Васильев выразил сожаление по поводу отсутствия в Париже «обширного и благоукрашенного» православного храма, которого, по его мнению, недоставало «для полноты благолепия» службы в русской посольской церкви. Эта церковь, по его словам, «каждое воскресенье и каждый праздник»

² АВПРИ, ф. 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел), оп. 749/4, д. 47, л. 75—75 об.

³ Одерова М.В. Протоиерей И.В. Васильев — настоятель православной церкви при русском посольстве в Париже // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2. С. 58.

⁴ Старшая дочь Васильевых Мария умерла в 10-летнем возрасте от перитонита; ещё двое детей — Елена и Борис (девятая и десятый по рождению) умерли в младенчестве. Последний, 12-й ребёнок — сын, также названный Борисом, родился в Петербурге, уже после возвращения семьи Васильевых на родину (см.: Автономова Л.И. Воспоминания о жизни и деятельности протоиерея И.В. Васильева // Исторический вестник. 1916. № 8. С. 301—302).

была наполнена богомольцами. Помимо проживавших в Париже русских в неё периодически, из любопытства, заходили французы. Так, например, по свидетельству Васильева, «купец Le-Roi два раза был в нашей церкви, и, как он сам выразился, был очарован величием восточного богослужения». Подобные же отзывы священник слышал от парижских дам⁵.

Из текста письма Сербиновичу следует, что Иосиф Васильев к тому времени уже успел обсудить вопрос о строительстве православного храма в своём ближайшем окружении, но не нашёл должного понимания: «Все мои заботы по сему предмету пока не увенчались желанным успехом; причины тому: а) в том, что о. протоиерей (настоятель русской посольской церкви в Париже протоиерей Дмитрий Вершинский. — *Л.М.*) не считает построения церкви в Париже ни нужным, ни возможным, а действовать отдельно от него и неприятно и незаконно; б) посольство неохотно слушает мысль и план об устройении церкви и отказывает не только в содействии, но и покровительстве, считая это дело до него не касающимся и соблазнительным в то время, когда многие кричат о насильственном распространении Российской церкви. Оно предлагает построить дом и в нём устроить просторную и благоукрашенную церковь, наподобие нашей почтамтской». Подчеркнув, что желание проживавших в Париже русских построить православную церковь является «всеобщим и сердечным», отец Иосиф выразил надежду на успех задуманного предприятия: «Необходимо крепкое желание и постоянство, препятствия исчезнут сами собою: Бог — помощник доброму делу, а для Него нет препятствий»⁶.

Через полгода, 28 декабря 1847 г. (9 января 1848 г.), Иосиф Васильев написал обер-прокурору Святейшего Синода графу Н.А. Протасову о том, что в Париже соотечественники явочным порядком «открыли подписку для внесения пожертвований на построение здесь церкви православно-кафолического восточного исповедания», и просил «утвердить начинающееся дело законным порядком»: испросить высочайшее разрешение как на постройку церкви, так и на сбор пожертвований для неё. Священник чётко и обоснованно перечислил причины, лежавшие в основе инициативы соотечественников: значительное число проживавших в Париже православных (к ним относились не только русские, но также греки, болгары, молдаване, валахи и др.); малая вместительность и убожество русской посольской церкви, которую многие «находят тесною, бедною, ветхою: стены не только не благоукрашенными, без св. икон, но и не окрашенными, иконостас в некоторых местах прорванным»; неудобства, связанные с необходимостью периодически менять церковное помещение. Отец Иосиф особо подчеркнул, что «бедность нашей капеллы» не может внушить «уважения к православию» иностранцам, которые зачастую «делают невыгодные суждения об нашем отечестве». «Больно слышать подобные отзывы, хотя они и ложны, и не основательны: виновники их, привязанные к внешности, сказали бы противное при взгляде на благолепный православный храм Божий. Бог знает, может быть, другие приведены были бы этим к более важным мыслям и чувствованиям — к предпочтению православия другим вероисповеданиям». Иосиф Васильев также сообщил Протасову, что поверенный в делах России во Франции Н.Д. Киселёв «сердечно одобрил благое начинание

⁵ Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам с 1846 по 1867 г., изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями Л.К. Бродским. Пг., 1915. С. 30.

⁶ Там же. С. 30—32.

и ожидает только мнения и разрешения Вашего сиятельства, чтобы начать по этому делу сношение с министерством иностранных дел»⁷. Через пару дней Васильев обратился также к Сербиновичу с просьбой «обратить благосклонное внимание на это дело, и... содействовать к совершению и процветанию благочестивого начинания наших соотечественников»⁸.

В 1849 г., после возвращения на родину протоиерея Дмитрия Вершинского, отец Иосиф принял на себя обязанности старшего священника русской посольской церкви в Париже. 3 июля 1850 г. Святейший Синод утвердил его в этой должности, а 27 апреля 1853 г. «за ревностную службу и особенно полезные труды по духовной части» возвёл в сан протоиерея⁹. Однако новый статус далеко не сразу позволил Васильеву активизировать свою деятельность по возведению в Париже православного храма. Очередным препятствием стали политические события во Франции (революция 1848 г. и переворот 2 декабря 1851 г.), осложнившие русско-французские отношения. В конце 1852 г. отец Иосиф получил от российского министра иностранных дел гр. К.В. Нессельроде долгожданный, но неутешительный ответ на своё прошение: по мнению российского императора Николая I, время для постройки в Париже православного храма не наступило, так как политическая ситуация во Франции ещё не вполне стабилизирована¹⁰.

Начавшаяся в 1853 г. Крымская война вновь отодвинула постройку храма на неопределённый срок. Как упоминалось выше, в это время между Россией и Францией обострились не только политические, но и межконфессиональные противоречия. С духовно-религиозной стороны развернувшегося противостояния пришлось непосредственно столкнуться и протоиерею Иосифу Васильеву, который во время войны остался во Франции и по поручению российского МИД занимался попечением о судьбе русских военнопленных, содержащихся на острове Экс и в Тулоне. Вокруг пастырской деятельности Васильева римско-католическим духовенством был спровоцирован конфликт: протоиерея обвинили в «возбуждении среди пленных политических страстей» и запретили ему доступ к местам их содержания. Причина возведённой клеветы заключалась в том, что присутствие русского священнослужителя мешало религиозной и политической пропаганде, активно проводимой среди русских пленных католическим духовенством польского происхождения с целью заставить их переменить вероисповедание и перейти на сторону противника.

Чтобы оправдаться и выполнить возложенное на него поручение, Иосиф Васильев был вынужден вступить в переговоры с французскими властями (военным министром Франции маршалом Ж.-Б.Ф. Вальяном, а по некоторым данным — с самим Наполеоном III), в ходе которых с честью вышел из затруднительного положения. Немаловажную роль в этом вопросе, на мой взгляд, сыграла также позиция российских властей и русской прессы: 13 января 1855 г. в выходившей в Петербурге франкоязычной газете «*Journal de Saint-Petersbourg*» — официальном печатном органе российского МИД — была опубликована статья, повествующая о «нравственных притеснениях» русских пленных во Франции и о «кознях иностранного духовенства».

⁷ Там же. С. 50—53.

⁸ Там же. С. 53—56.

⁹ АВПРИ, ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 75 об.

¹⁰ Росс Н. Русская церковь на берегах Сены. От зарождения храма до 1917 года. СПб., 2007. С. 152.

В итоге Васильеву предоставили доступ к пленным соотечественникам, для которых моральная поддержка и материальное вспомоществование, оказанные протоиереем, были чрезвычайно важны. Особенное значение это имело для солдат, которые, в отличие от офицеров, по своему воспитанию остались не интегрированы в европейскую культуру и к тому же находились в более жёстких условиях содержания, а потому тяжело переживали оторванность от родины¹¹. Самоотверженная деятельность священника в годы Крымской войны получила признание российского правительства. 4 декабря 1854 г. Министерство иностранных дел от имени императора Николая I объявило ему благодарность¹². 20 августа 1855 г. «во внимание к отлично усердной службе и в воздаяние ревностных и истинно человеколюбивых действий при исполнении возложенных поручений касательно оказания пособий русским пленным, находящимся во Франции», протоиерей Иосиф Васильев был награждён орденом Св. Анны 2-й степени¹³.

Заключение мира дало возможность настоятелю русской посольской церкви в Париже вернуться к повседневным занятиям, а также активизировать исследовательскую, публицистическую и переводческую деятельность. С этого времени он напрямую приступил к задаче ознакомления Запада с историей, религией и культурой страны, которую он представляет. С ноября 1859 г. протоиерей Васильев начал выпуск франкоязычного еженедельного православного журнала «L'Union Chrétienne» («Христианское единение»). Цель издания заключалась в том, чтобы показать инославному читателю сущность православия и способствовать сближению христианских церквей. Одной из задач журнала отец Иосиф считал также аргументированную и открытую полемику с активно публиковавшимися в Париже русскими католиками (И.С. Гагариным, И.М. Муравьевым, Е.П. Балабиным и др.), полагавшими, что «католицизм — основа европейской цивилизации — единственно возможный путь свободы и спасения России»¹⁴. В редакцию журнала, помимо протоиерея Васильева, вошли также церковный писатель С.П. Сушков и католический аббат Рене Франсуа Гетте, который через два года, не без влияния отца Иосифа, принял православие, получив имя Владимир. Издание осуществлялось за счёт самого протоиерея. Петербург, опасаясь обвинений со стороны французского правительства в распространении русской пропаганды, после некоторых колебаний дал согласие на издание журнала, но отказался при этом его финансировать. Вскоре «L'Union Chrétienne» стал заметным явлением в европейском богословском мире. На его страницах в открытый диалог вступили представители различных христианских конфессий. В сентябре 1862 г. журнал, названный И. Васильевым «первым, хотя и слабым, голосом православия на Западе», был удостоен высокой оценки со стороны Вселенского патриарха Иоакима¹⁵.

Практически сразу после окончания Крымской войны отец Иосиф вернулся и к главному делу своей жизни: вновь поднял вопрос о строительстве в Па-

¹¹ Подробнее см.: Мельникова Л.В. Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны // Российская история. 2012. № 4. С. 121—137; Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853—1856 гг. С. 213—235.

¹² АВПРИ, ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 75 об.

¹³ Там же, л. 76 об.; АВПРИ, ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив), IV-16, оп. 158, 1855 г., д. 12, л. 4, 10.

¹⁴ Одерова М.В. Протоиерей И.В. Васильев... С. 62; см. также: Цимбаева Е.Н. Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма. М., 1999.

¹⁵ См.: Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева... С. 255—261.

риже русской церкви. 6(18) сентября 1856 г. он представил российскому чрезвычайному посланнику барону Ф.И. Бруннову записку, содержавшую просьбу об исходатайствовании на этот счёт «соизволения нашего правительства». В качестве доводов в пользу сооружения храма протоиерей вновь назвал «недостаток места для православных богомольцев», численность которых превышала 1 тыс. человек, и «невозможность благолепного украшения, приличного святости и величию православного обряда» (отец Иосиф напомнил, что во все времена бедность храма допускалась христианами лишь в двух случаях: «в истощении средств и гонениях»). Храм, по мнению Васильева, мог стать лучшим наглядным опровержением «неверного и невыгодного понятия о нашей Церкви во Франции», «ошибочно или злонамеренно» распространяемого западной прессой, что должно было способствовать «чести, славе и пользам России как представительницы и защитницы православной веры». Предполагалось, что финансовыми источниками для постройки станут «щедроты государя» и «доброхотные даяния русских»¹⁶. 13(25) сентября 1856 г. барон Бруннов передал записку протоиерея министру иностранных дел России кн. А.М. Горчакову, сопроводив её личным положительным отзывом¹⁷. Вскоре данный вопрос был направлен «на ближайшее усмотрение» чрезвычайного и полномочного посла России во Франции гр. П.Д. Киселёва¹⁸. 26 декабря 1856 г. (7 января 1857 г.) Киселёв сообщил в Петербург о «согласии французского правительства на сооружение и открытие в Париже русской церкви православного вероисповедания»¹⁹.

22 января (3 февраля) 1857 г. Киселёв сообщил товарищу министра иностранных дел И.М. Толстому свои «дополнительные соображения» по рассматриваемому вопросу: «Имеющая соорудиться церковь будет открыта для всех православных, но, в предотвращение всяких недоумений, она должна быть посольскою, или — точнее сказать — Российской Императорскою. Таким образом это дело будет иметь тот смысл, что главный источник благодаяния для православных должен истекать от единого в мире православного самодержца, и к нему должна быть отнесена вся слава святого дела со всеми благами религиозными и другими плодами». «Для порядка, ясности, успеха и скорейшего исполнения дела» Киселёв предлагал следующий «способ построения» церкви: «приобретение места и стенная — основная постройка церкви — должны быть отнесены на иждивение правительства, вся же внутренняя отделка и благолепное украшение оной будут совершены на пожертвования доброхотных дателей». Потому он просил оказать содействие к назначению на постройку в Париже православного храма «достаточной, но весьма умеренной суммы 106 200 рублей серебром»²⁰.

Император Александр II, хорошо знавший Запад и опасавшийся возможных осложнений, решил, что российским властям всё же лучше оставаться на заднем плане при строительстве храма. Он лично пожаловал для этой цели 50 тыс. руб.²¹, но при этом обеспечил невмешательство своего правительства в происходившее событие, придав ему тем самым чисто религиозный характер. Российский Святейший Синод также пожертвовал на строительство париж-

¹⁶ Там же. С. 171—176.

¹⁷ АВПРИ, ф. 161, IV-16, оп. 158, 1856 г., д. 40, л. 1—2 об.

¹⁸ Там же, л. 16.

¹⁹ Там же, л. 17—18.

²⁰ Там же, л. 19—20.

²¹ Там же, л. 26.

ского храма 50 тыс. руб. и выдал настоятелю российской посольской церкви в Париже книгу для сбора добровольных приношений в России в течение двух лет²². Ранее подобная книга была выдана протоиерею и российским посольством во Франции.

Иосиф Васильев, назначенный председателем Комитета построения православной русской церкви в Париже, занимался практически всеми связанными с этим проектом вопросами: сбором средств на возведение храма, покупкой земельного участка, составлением сметы, руководством строительными и отделочными работами.

В октябре 1857 г. и ноябре 1858 г. для возведения церкви были приобретены два прилегающих друг к другу земельных участка общей площадью 2 721,68 кв. м. Эти участки, находившиеся на улице Круа дю Руль (rue de la Croix du Roule, позже переименованной в rue Daru), были оформлены на имя российского посольства в Париже, которое располагалось тогда в здании неподалеку, на улице Фобур Сент-Оноре (rue du Faubourg Saint-Honoré). Общая стоимость покупки составила 272 168 франков. Васильев в то время уже располагал такой суммой, однако, желая как можно быстрее начать строительство, оформил землю в кредит²³.

Проект храма был составлен старшим архитектором придворной е.и.в. Конторы, профессором Императорской Академии художеств Р.И. Кузьминым в русско-византийском стиле (внешний вид — шатровый пятиглавый храм в русской традиции XVI—XVII вв., внутреннее устройство — в соответствии с византийскими канонами). Окончательные чертежи и наблюдение за исполнением осуществил архитектор И.В. Штром. На рассмотрение Александра II были представлены и другие проекты (в частности, работа академика архитектуры Д.И. Гримма), однако император выбрал проект, выполненный в «отечественном стиле»²⁴.

Пожертвования на сооружение храма Иосиф Васильев собирал в течение пяти лет (с августа 1857 г. по сентябрь 1862 г.) как во Франции, так и в России, куда он совершил между 1857 и 1861 гг. несколько поездок. Во время одной из этих поездок Васильев был принят Александром II и императрицей Марией Александровной. Государыня передала протоиерею для будущего храма список Феодоровской иконы Божией Матери, родовой иконы дома Романовых²⁵. В общей сложности Васильеву удалось собрать 287 338 руб. 66 коп. серебром, что равнялось 1 146 376 франкам 25 сантимам. Забегая вперёд, отмечу, что ушло на сооружение храма несколько больше: 1 374 233 франка 70 сантимов. Недостача составила 227 857 франков 45 сантимов. Отец Иосиф сообщил П.Д. Киселёву, что готов постепенно уплатить из собственных средств около 93 тыс. франков, и выразил надежду, что российское правительство возьмёт на себя уплату остальных 134 тыс.²⁶. Долги удалось погасить лишь в 1872 г.; к этому времени, с учётом процентов, их сумма выросла до 450 тыс. франков²⁷.

Первый камень в основание храма был заложен 19 февраля (3 марта) 1859 г., в день четвёртой годовщины восшествия на престол императора Александра II.

²² Там же, л. 36—36 об.

²³ *Росс Н. Русская церковь на берегах Сены...* С. 157.

²⁴ АВПРИ, ф. 161, IV-16, оп. 158, 1856 г., д. 40, л. 149.

²⁵ *Росс Н. Русская церковь на берегах Сены...* С. 156.

²⁶ АВПРИ, ф. 161, IV-16, оп. 158, 1856 г., д. 40, л. 357—359 об.

²⁷ *Росс Н. Русская церковь на берегах Сены...* С. 169.

На церемонии присутствовали посол Киселёв, члены посольства, консульства, многочисленные русские и греки, проживавшие в Париже. Васильев подробно описал это событие в письме обер-прокурору Святейшего Синода гр. А.П. Толстому, подчеркнув при этом, что «во избежание толков и предположений политических власти здешнего государства не были приглашены, исключая главных сановников города Парижа, каковы префект Сенского департамента и префект полиции». Свидетелями торжества были около трёх тысяч любопытных французов, стоявших на улице и покрывавших окна и крыши соседних домов. «По отзывам всех, — писал отец Иосиф, — торжественный обряд закладки церкви произвёл благодетельное впечатление... Писатели же, бывшие свидетелями положения первого камня православной русской церкви, описали сие торжество, каждый судя по своим взглядам и партиям, к которым принадлежит»²⁸.

Менее чем через три года во французской столице вырос великолепный храм, который упоминавшийся выше аббат Гетте назвал «одним из самых красивых украшений Парижа»²⁹. Здание храма было построено из тёсаного белого камня в русско-византийском стиле. В плане храма — четырёхконечный греческий крест, каждый луч которого заканчивается апсидой. На главном кубическом объёме, длина и ширина которого составляют 27,94 м, расположены пять шатровых (пирамидальных) куполов, увенчанных ярко вызолоченными главами с восьмиконечными крестами с цепями, опущенными на главы со второй, перекрёстной линии крестов. Центральный купол значительно больше боковых. Все купола, верхняя часть которых тогда была вызолочена (в настоящее время — нет), прорезаны красивыми световыми окнами. Высота здания — 47,38 м. В церковь ведёт каменная лестница в 11 ступеней. На площадке, которой она заканчивается, устроена паперть, или крытое преддверие, на четырёх резных колоннах. Кровля паперти украшена небольшой главою с крестом. Над входом в храм, на западном фронтоне, помещена фреска академика Императорской Академии художеств А.Е. Бейдемана «Христос Пантократор». «Общий характер здания, — писал современник, — носит некоторые черты стрельчатости, в которой французы видят признаки готической архитектуры западных храмов; но с этой стрельчатостью архитектура парижской церкви смело, искусно и оригинально соединяет и круглоту форм, которая служит одним из отличительных признаков византийского стиля»³⁰. Внутри храм расписан русскими художниками: братьями Евграфом и Павлом Сорокиными, Ф. Бронниковым, Г. Васильевым. Во внутреннем убранстве чувствуется заметное влияние собора Св. Софии в Константинополе³¹.

30 августа (11 сентября) 1861 г., в день памяти святого благоверного князя Александра Невского, которому была посвящена парижская церковь, состоялось её освящение. Чин освящения возглавил епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургской епархии Леонтий (Лебединский). Выбор первого лица делегации русского духовенства, отправляемой из Петербурга в Париж, оказался непростым. Рассматривались разные кандидатуры, при этом особое внима-

²⁸ Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева... С. 188—189.

²⁹ Цит. по: Росс Н. Русская церковь на берегах Сены... С. 170.

³⁰ Цит. по: Сахаров Н., прот. Свято-Троицкий Александро-Невский храм в Париже (к 75-летию освящения его: 30 августа 1861 г. — 30 августа 1936 г.) // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 6—7. С. 17.

³¹ Подробнее см.: Грабар А.Н. Кафедральный собор Св. Александра Невского в Париже и Св. София Константинопольская // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1957. № 2. С. 29—33.

ние обращалось на то, чтобы командированный архиерей не являлся членом Святейшего Синода, что, по мнению митрополита Московского Филарета (Дроздова), могло быть расценено как «усиленное оказательство». Выбор остановили на преосвященном Леонтии, поскольку русские приходы в Западной Европе всегда входили в состав Санкт-Петербургской митрополии³². В свиту епископа Леонтия назначили состоявшего при Азиатском департаменте МИД архимандрита Аввакума, бывшего начальника Пекинской духовной миссии; настоятеля петербургского Петропавловского собора протоиерея Василия Полисадова; протодиакона Исаакиевского собора Константина Оболенского; иподиакона Алексея Колумбова и 12 певчих из хора Санкт-Петербургского митрополита под управлением Г. Львовского³³. Для всех духовных лиц, которые должны были принять участие в освящении, по повелению Александра II, из ризницы Исаакиевского собора выдали одинаковые блистательные облачения из белого глазета, с золотыми крестами и узорчатыми каймами из алого бархата. Для преосвященного Леонтия из ризницы Александро-Невской лавры была взята митра, украшенная множеством драгоценных камней³⁴. Иосиф Васильев просил пригласить к участию в торжестве ещё несколько лиц из русского заграничного духовенства (архимандрита Палладия из Рима, протоиереев Е. Попова из Лондона, Базарова из Штутгарта, Янышева из Висбадена, Петрова из Женевы и священника Д. Васильева³⁵ из Ниццы). МИД сначала отказал в этой просьбе, поскольку «не нашёл возможным оставить посольские церкви без богослужения в день тезоименитства государя императора», но затем, после подобной просьбы преосвященного Леонтия, считавшего, что «отправляемых с ним из Петербурга священнослужителей далеко не достаточно для предположенной цели», разрешил приезд в Париж некоторым представителям русского зарубежного духовенства³⁶. В торжестве смогли принять участие упоминавшиеся выше протоиереи Базаров, Янышев, Петров, священник Д. Васильев, а также протоиереи Колоссовский из Мадрида, Серединский из Берлина и диакон веймарской церкви Оглоблинский.

П.Д. Киселёв, обеспокоенный неблагоприятной для православных «атмосферой» Парижа, полагал, что лучше «не раздражать гусей» и воздержаться от «такой торжественности» обряда освящения церкви, что было, на его взгляд, слишком рискованно, ибо «католическое духовенство щекотливо, и католическая журнальная пресса крайне не воздержанна»³⁷. Однако протоиерей Васильев настоял на проведении именно торжественной церемонии. По его мнению, этот акт должен «возвысить честь и славу православия и России; утвердить многих колеблющихся наших путешественников и произвести благоприятное действие на иностранцев и иноверцев»³⁸. На церемонии освящения присутствовали около 1 200 человек. Русскую колонию возглавляли посол Киселёв и товарищ министра иностранных дел И.М. Толстой. Французскую

³² Сахаров Н., *прот.* Свято-Троицкий Александро-Невский храм... // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 10—11. С. 38.

³³ АВПРИ, ф. 161, IV-16, оп. 158, 1856 г., д. 40, л. 286.

³⁴ Сахаров Н., *прот.* Свято-Троицкий Александро-Невский храм... // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 10—11. С. 39.

³⁵ Священник Дмитрий Васильев — родной брат протоиерея Иосифа Васильева.

³⁶ АВПРИ, ф. 161, IV-16, оп. 158, 1856 г., д. 40, л. 288—291.

³⁷ Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселёв и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 3. СПб., 1882. С. 249.

³⁸ Цит. по: Одерова М.В. Протоиерей И.В. Васильев... С. 66.

сторону представляли министр императорского двора маршал Ж.-Б.Ф. Вальян, обер-камергер Наполеона III гр. Ф. Бачиокки и префект парижской полиции Буатель.

Антиправославные настроения, о которых говорил Киселёв, проявились в том, что из 300 представителей высшего французского общества и католического духовенства, получивших официальные приглашения на церемонию, откликнулись на них лишь 15 или 16 человек, что, по мнению графа, можно было считать «достаточным уже предостережением»³⁹. В то же время, по свидетельству современника событий графа де ля Фита де Пелляпорка, написавшего письмо об освящении храма в редакцию «Православного обозрения», на церемонии присутствовали несколько католических священнослужителей, облачённых как в сутаны, так и в светские одежды. Среди последних он узнал двух французских архиереев: епископа Перигёсского и архиепископа Турского. Интересно, что епископ Перигёсский «прямо объявил своим приближённым, что богослужение русской церкви сохранило в себе в точности все обряды, установленные в первые века христианства» и «с необыкновенным восторгом» отозвался о преосвященном Леонтии⁴⁰. Что касается рядовых парижан, не получивших приглашения на освящение русского храма, но всегда с большим любопытством относившихся к любым зрелищам, то они с раннего утра шеститысячной толпой заполнили пространство напротив церкви и после окончания церемонии входили в неё и с интересом осматривали⁴¹.

После освящения внутренней части храма, крестного хода вокруг него и проведения божественной литургии было провозглашено многолетие российскому императору Александру II, императрице Марии Александровне, наследнику цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу, всему царствующему дому Романовых, французскому императору Наполеону III («державному обладателю страны сей»), Святейшему Синоду, митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Исидору (Никольскому), к епархии которого относился парижский храм Св. Александра Невского, и преосвященному Леонтию, освятившему его. Епископ Леонтий в своей речи выразил благодарность Наполеону III, «благодарно изъявившему христианскую готовность на созидание православного храма в стране своей», призвал благословение Божие на Александра II, его представителя во Франции Киселёва, а также на протоиерея Иосифа Васильева, «с пастырскою ревностью и любовью, паче всех, потрудившегося в устройении сего храма во славу православной Церкви». Последнее обстоятельство растрогало отца Иосифа до слёз⁴².

16 декабря 1861 г. «за построение церкви в Париже» протоиерей Иосиф Васильев был награждён золотым наперсным крестом, украшенным бриллиантами. 21 апреля 1862 г. ему пожаловали митру⁴³. Следует отметить также, что 14 мая 1860 г. «за отлично-усердную службу» Васильев получил орден Св. Владимира 3-й степени, а 10 декабря того же года «в уважение особенных заслуг по устройству православного храма в Париже» ему было «Высочайше

³⁹ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. С. 249.

⁴⁰ *Ла Фит де Пелляпорк, граф де.* Освящение русской церкви в Париже // Православное обозрение. 1861. Сентябрь. № 9. С. 143.

⁴¹ *Сахаров Н., прот.* Свято-Троицкий Александро-Невский храм... // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 10—11. С. 41, 43.

⁴² Там же. С. 42.

⁴³ АВПРИ, ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 76 об.

увеличено личное содержание до 3 тыс. рублей серебром без увеличения оклада занимаемого им места»⁴⁴. 7 ноября 1864 г. «за высокие труды и благочестие» король Греции (король эллинов) Георг I пожаловал ему Командорский орден Спасителя⁴⁵.

Освящение в Париже первого православного храма стало ярким событием общественной жизни Франции и России. На следующий день во многих газетах появилось подробное описание церемонии. Вскоре в Париже вышла отдельная брошюра, посвящённая храму Св. Александра Невского⁴⁶. По официальным данным, в течение первых пяти дней после освящения храма его осмотрели около 84 тыс. человек⁴⁷. Большую заинтересованность и уважение к русской церкви проявила ревностная католичка, французская императрица Евгения⁴⁸. 20 декабря 1861 г. (1 января 1862 г.) И. Васильев писал обер-прокурору Святейшего Синода А.П. Толстому: «Пятого сего декабря посетила нашу церковь императрица Евгения... Оставшись в церкви двадцать минут, Её Величество осмотрела оную до подробностей и несколько раз высказала своё одобрение и восхищение. Для меня приятнее всего было слышать отзыв её о благочестивом и молитвенном впечатлении, какое производит новосозданный храм. По вызову императрицы Евгении я объяснил ей различия между Православно-Кафолическою и Римскою церквами»⁴⁹.

По свидетельству современников, появление в Париже русского православного храма произвело сильное впечатление на французов и других европейцев и действительно способствовало ознакомлению многих из них с русской православной традицией. Так, аббат Гетте писал: «Преосвященный Леонтий, епископ, освятивший новую русскую церковь в Париже, покинул этот город в понедельник вечером... В прошлые пятницу и воскресенье он служил архиерейским служением перед огромной толпой французов, принадлежавших к различным вероисповеданиям... Все, католики и протестанты, казались под сильным впечатлением величия восточного богослужения, того древнего характера, который сразу же замечен и вызывает уважение... Сколько таким образом исчезло предвзятых мнений из умов тех римских католиков, которые присутствовали при богослужениях в русской церкви... Из-за религиозного невежества, которое обычно сопутствует подобным предубеждениям, во Франции многие думали, что восточные христиане не разделяют никаких верований с Римской церковью и что только эта последняя сохранила подлинную веру и подлинное христианское богослужение»⁵⁰. Аббату Гетте вторил и граф де ля Фит де Пелляпорк: «До сих пор Франция не обращала должного внимания на Православную Русскую Церковь. Но обвинять её в этом невозможно. О Русской Церкви она доселе имела понятия тёмные, неточные и большей частью искажённые иезуитами, а в новейшие времена ультрамонтанцами... Но вот, после нескольких веков затмения, в Париже отстроен и освящён первый величественный православный храм... С любопытством в первый раз, с чувством почтения и благоговения в последующие дни парижане проследили за всеми

⁴⁴ Там же, л. 76 об.—77.

⁴⁵ Там же, л. 77 об.

⁴⁶ Description de L'Eglise Russe de Paris. Paris, 1861.

⁴⁷ Ла Фит де Пелляпорк, граф де. Указ. соч. С. 146.

⁴⁸ Автономова Л.И. Указ. соч. С. 314.

⁴⁹ Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева... С. 252—253.

⁵⁰ Цит. по: Росс Н. Русская церковь на берегах Сены... С. 190—191.

действиями православного архипастыря и достойного, образованного духовенства, окружавшего его от первого дня прибытия в Париж до самого отъезда. Благодарение Богу! Русская Церковь нашла доступ к сердцам нескольких тысяч людей, не принадлежащих к её недрам... Скажем, что на этот раз парижан, в особенности англичан и итальянцев, поразила необычайным образом внешняя, обрядовая форма восточного богослужения, исполненная величия»⁵¹.

Вместе с тем нашлось и немало недовольных усилением русского влияния. Так, вскоре после освящения храма, в сентябре 1861 г., протоиерей Васильев в интервью журналу «L'Illustration» опроверг мнение о том, что постройка православной церкви имела целью «пропаганду славизма на берегах Сены». В частности, он отметил, что среди жертвователей были и неславяне: например, 100 тыс. франков пожертвовал греческий купец Бернардакис⁵².

1(13) февраля 1863 г. в парижском русском посольском храме состоялось освящение крипты, или нижней церкви, посвящённой Св. Троице. Чин освящения провёл настоятель храма протоиерей Иосиф Васильев в сослужении второго священника Василия Прилежаева.

Таким образом, возведение в Париже русского православного храма стало возможно благодаря сближению России и Франции, начавшемуся после окончания Крымской войны 1853—1856 гг. В осуществлении этого проекта огромная заслуга принадлежит настоятелю русской посольской церкви протоиерею Иосифу Васильеву, ставшему инициатором и главным организатором строительства. Последовательность и настойчивость, проявленные отцом Иосифом в данном вопросе, смогли пересилить инертность российского посольства во Франции и осторожность российского правительства. Появление в Париже первого православного храма, способствовавшего ознакомлению многих европейцев с русской православной традицией, стало одной из ярких мирных побед русской культуры на Западе. В определённой степени оно послужило укреплению связей России и Франции как в культурной, так и в политической сфере.

⁵¹ *Ла Фит де Пелляпорк, граф де*. Указ. соч. С. 141—143.

⁵² *Росс Н.* Русская церковь на берегах Сены... С. 157.